

**Protection of the rights of the victim as
a purpose of criminal legal proceedings by
criminal procedure and criminalistic means**

Abstract: The article analyzes situation of victim rights protection in criminal proceedings. Their rights priority is reasoned in terms of criminal proceedings. The authors prove that general decline in crimes during certain periods is not indicative of victims' right protection improvement since the latter search for their violated rights restoration, damage compensation and justice restoration. And those are only possible in terms of high crime detection rate. However certain types of crime detection rate is below 15 %. The authors prove that criminal procedural measures alone cannot improve victims' rights protection problem at the legislative improvement level since comparative legal research of criminal procedural legislation states that victims' rights and freedoms' protection guarantees level provided by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is insufficient. Considering analysis of frameworks of criminal procedural science and criminalistics the authors convincingly prove that criminalistics needs to be defined relative to criminal process in terms of purpose and task of cognition. Main purpose of criminalistics is to encourage reduction of situations of trace information could not be collected due to subjective reasons. Criminalistics is to optimize law-enforcement practice, stimulate scientific developments introduction. Since amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation are permanent this criminalistic task grows more important and its solution will define criminal punishment realization and criminal policy measures improvement.

Keywords: criminal policy; criminal trial; criminalistics; victim; protection of the rights of the personality; judicial statistics; knowledge; trace information.

Невозможно представить себе современное общество без такого привычного способа реагирования государства на факт совершения преступления, как механизм уголовного судопроизводства. Действительно,

---

♦ **Smakhtin Evgenii V.** - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process of Institute of State and Law of Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation; e-mail: smaxt@yandex.ru.

Smirnova Irina G. - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Judicial Examinations of Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: smirnovaig@mail.ru.

анализ результатов проведенного на территории 18 субъектов Российской Федерации в 2010-2012 гг. опроса граждан¹ наглядно показывает, что значимость, ценность уголовного судопроизводства, его эффективность усматриваются опрошенными респондентами в первую очередь в восстановлении справедливости (66,5 %), наказании виновного (61,4 %), а также в возможности восстановить и защитить права потерпевших (36,9 %) [22, с. 490–503].

Не случайно действующее уголовно-процессуальное законодательство назначением уголовного судопроизводства провозглашает прежде всего защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (ст. 6 УПК РФ). Вместе с тем ситуация с защитой лиц, потерпевших от преступления, крайне неудовлетворительна. Так, по официальным данным, каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и признается потерпевшим [19].

Однако по причине латентного характера многих преступлений можно с уверенностью утверждать, что за последние годы не менее четверти жителей Российской Федерации становились жертвами преступлений [10]. В свою очередь, официальная статистика МВД России свидетельствует, что внешне все выглядит довольно благополучно: уголовные дела раскрываются, преступления расследуются, а затем в большинстве случаев выносятся обвинительные приговоры. На фоне снижения общего количества совершаемых в России преступлений складывается ощущение, что права потерпевших надежно защищены. Однако более глубокий анализ правоприменительной практики убеждает в том, что это иллюзия. В качестве примера приведем статистические сведения о кражах, которые составляют около половины всех преступных деяний, совершаемых в России. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2009 г. было зарегистрировано 1 188 574 кражи, в 2010 г. - 1 108 369, в 2011 г. - 1 038 566, в 2012 г. - 992 238, в 2013 г. - 922 562. В целом раскрываемость краж не дает повода для беспокойства. Но если, например, оценить статистику такого специфического вида краж, который прямо предусмотрен п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, - из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, то в 2009 г. было зарегистрировано 78 798 преступлений рассматриваемого вида, из них раскрыто 11 612, выявлено 9 005 лиц, совершивших указанное правонарушение. В 2010 г. зарегистрировано 68 697 преступлений, из них

---

¹ В статье приводятся обобщенные результаты анкетирования, проведенного на территории 18 субъектов РФ, такой группы респондентов, как «профессиональные» участники уголовного судопроизводства (144 судьи, 246 прокуроров, 418 следователей и дознавателей и 180 адвокатов), а также 2 124 граждан.

раскрыто 10 148, выявлено 8 261 лицо. В 2011 г. зарегистрировано 59 319 преступлений, из них раскрыто 9 173, выявлено 7 350 лиц. В 2012 г. зарегистрировано 52 367 преступлений, из них раскрыто 7 677, выявлено 6 542 лица. В 2013 г. зарегистрировано 48 533 преступления, из них раскрыто 6 801 преступление, выявлено 5 983 лица [24-28].

Несложно подсчитать, что, несмотря на снижение количества этих преступлений, в 2009 г. их раскрываемость составила 14,74 %, в 2010 г. - 14,77 %, в 2011 г. - 15,65 %, в 2012 г. - 14,65 %, в 2013 г. - 14,01 % [21, с. 4-5].

Следовательно, аналогичным необходимо признать и коэффициент удовлетворенности потерпевших результатами производства по уголовному делу и свершившимся правосудием в целом. Приведенные цифры говорят сами за себя. Очевидно, что на уровне законодательного совершенствования механизма защиты прав лиц, потерпевших от преступления, только уголовно-процессуальными средствами эти вопросы не решить. Наглядным подтверждением этого являются изменения, внесенные в отдельные законодательные акты Российской Федерации в декабре 2013 г., которыми значительно расширены права потерпевших [18]. Сегодня уже с уверенностью можно сказать, что кардинальным образом эти новации ситуацию в лучшую сторону не изменили.

Более того, следует констатировать кризис уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Так, по данным К.Б. Калиновского, с 18 декабря 2001 г. - момента принятия УПК РФ - менее чем за семь лет (до 2007 г.) в процентном выражении кодекс изменился на 85 % [12, с. 90], а по состоянию на 1 января 2014 г. было принято 166 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в УПК РФ (не считая правовых позиций Конституционного Суда РФ), что лишний раз подчеркивает неопределенность законодателя в решении вопроса о стратегическом направлении уголовно-процессуального развития.

Давая оценку особенностям развития современного уголовно-процессуального законодательства, можно выделить такие тенденции, как:

- отсутствие оптимального сочетания защиты частных и публичных интересов;

- недостаточная урегулированность отдельных процессуальных процедур (например, право защитника собирать доказательства при отсутствии процессуальных норм, определяющих порядок такой деятельности). Да и в более глобальном масштабе УПК РФ процесс доказывания практически не регламентирует, а дает лишь право применить так называемые вспомогательные (криминалистические) средства фиксации. И что в итоге?

Полагаем, что формальный подход к рекомендациям криминалистики приводит к конкретным ошибкам правоприменителя;

– зачастую неудовлетворительная законодательная техника. Указанное подтверждается тем, что часть изменений, дополнений, вносимых в УПК РФ, обусловлена необходимостью устранения ряда просчетов и противоречий;

– активное развитие упрощенных производств;

– «ложные процедуры», проявляющиеся, в частности, в распространенности получения согласия родственников на производство судебно-медицинской экспертизы трупа в случаях, когда такое производство является обязательным в силу ст. 196 УПК РФ;

– необоснованные запреты, например право суда заочно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу при объявлении лица в международный розыск и невозможность применения заочной процедуры при объявлении лица в розыск, хотя высокая степень общественной опасности совершенных деяний дает основания считать возможным применение заочного порядка в обоих случаях [30].

Вместе с тем сравнительно-правовой анализ УПК РФ и процессуальных законов других государств позволяет утверждать, что уровень законодательно закрепленных в УПК РФ процессуальных гарантий защиты прав и свобод личности (в том числе и лиц, потерпевших от преступления) является не просто достаточным, а характеризующим действительную ориентацию государства на соблюдение ст. 2 Конституции РФ, закрепляющей права личности как высшую ценность в государстве.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство при всех его пробелах и проблемах само по себе не является причиной неудовлетворительного состояния защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве. Одна из причин этого, на наш взгляд, кроется в особенностях собственно правоприменения. К таковым с уверенностью могут быть отнесены буквальное толкование закона (в литературе совершенно обоснованно обращается внимание также и на то, что правоприменители стремятся к такому толкованию, при котором не разрушаются устоявшиеся представления об уголовно-процессуальной деятельности, т.е. обеспечивается устойчивость уголовно-процессуальных обычаев), пренебрежительное отношение к правовым позициям Конституционного Суда РФ, особенности ментальных установок правоприменителей, ригидность мышления, правовой нигилизм общества. Такое положение в целом может быть охарактеризовано как эффект спящего права: российское законодательство не столько нарушается, сколько не действует.

В этой связи нельзя не согласиться с тем, что право может стать творческой силой тогда, когда будет не только осознано, но и признано. В сфере уголовного преследования механизмами обеспечения такого признания уголовно-процессуальных предписаний могут выступать в первую очередь криминалистические средства, для чего имеются и исторические предпосылки.

Далеко не всегда криминалистике как науке отводилось четко определенное место в системе научного знания.

В конце XIX в. австрийский ученый Г. Гросс объявил всему миру о рождении криминалистики, издав свое знаменитое «Руководство для судебных следователей как система криминалистики». В предисловии к четвертому изданию данного труда было определено место криминалистики в общей системе уголовных наук. Рассматривая ее в соподчиненном отношении к криминологии, включая все составляющие ее части в криминальную политику, Г. Гросс подчеркнул ее самостоятельный, но вспомогательный характер, показал взаимосвязь с уголовным правом и процессом, а также с учением о наказаниях [9, с. VI–X].

Наш соотечественник В.И. Лебедев в послесловии к известной книге немецкого ученого А. Вейнгарта «Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений» писал о взаимосвязи криминалистики и полицейской деятельности по обнаружению и расследованию преступлений, полагая, что криминалистика в преобразованном виде является служебной деятельностью полиции и составляет искусство раскрытия преступлений [6].

С.Н. Трегубов полагал, что более точным названием криминалистики с точки зрения содержания является «уголовная техника», считая ее новой особой, но вспомогательной отраслью уголовной науки [32, с. 4-5]. В свою очередь, В.И. Громов также избегал употреблять термин «криминалистика», предлагая назвать новую отрасль знаний «научно-уголовная техника» [8, с. 4].

В 1925 г. И.Н. Якимов констатировал, что название «криминалистика» более правильное и соответствующее ее содержанию, «почему и нам, русским, надо его придерживаться. Криминалистика — одна из самых молодых наук, разрабатывающих отдельные отрасли уголовного права» [35, с. 5].

Определившись с названием благодаря И.Н. Якимову, русские ученые в начале XX в., не уточняя, что такое «отдельные отрасли уголовного права», продолжили исследования относительно места криминалистики в общей системе наук, ее природы и практического значения.

Взаимосвязь криминалистики с уголовно-процессуальным правом подчеркивалась и в более поздних работах. Например, Б.М. Шавер писал, что «данные криминалистики всегда согласуются с данными уголовного процесса, ибо практически они применяются в процессе расследования, который

регулируется уголовно- процессуальным правом, но эти данные не вытекают из теоретических принципов уголовного процесса» [33].

В развитие этих положений С.П. Митричев отмечал связь криминалистики не только с уголовно-процессуальным правом, но и с другими юридическими науками: уголовным, административным правом, гражданским процессом. В частности, ученый писал: «...определяя криминалистику как науку о расследовании преступлений, следует указать, что вопросы расследования преступлений изучаются не только в криминалистике, но и в других юридических науках, в том числе уголовно-процессуальном праве» [15, с. 12].

Позиции сторонников юридической природы криминалистики придерживался А.А. Эйман. Он писал, что криминалистика является юридической наукой и в силу этого принадлежит к системе общественных наук [23, с. 30]. Аналогичным образом А.Н. Васильев еще в 1980 г. отметил, что криминалистика есть наука юридическая из цикла уголовно-правовых наук [13, с. 12].

Выясняя связи криминалистики со смежными юридическими науками, проводя отграничение ее предмета от предметов этих наук, Р.С. Белкин неоднократно высказывался о синтетической (множественной) природе криминалистики [4, с. 43]. Однако, подчеркивая, что в традиционной классификации наук отсутствует специальное звено «междисциплинарных», «интегральных» областей научного знания, а в содержании криминалистики «имеются значительные по объему и важные по значению правовые положения» [3, с. 169–170], известный ученый относил криминалистику к числу «специальных юридических наук», а с точки зрения интенсивности связи — «к группе криминально- правовых наук, изучающих преступность и меры борьбы с ней» [5, с. 111–113].

Определяя место криминалистики в системе научного знания в более позднем по времени издании учебника, соавторы Р.С. Белкина указали, что «из юридических наук криминалистика наиболее тесно связана с науками процессуального права, особенно с теми их разделами, которые посвящены теории доказательств и процессуальному порядку проведения следственных и судебных действий [16, с. 84].

Согласившись с наличием тесной взаимосвязи вышеназванных наук, приведем пример. В Тюмени был обнаружен труп девочки восьми лет с множественными колотыми и колото-резаными повреждениями. В ходе осмотра места происшествия были выявлены следы-вещества бурого цвета на прошлогодней листве. Принимая во внимание, что в организме человека этого возраста находится около 3,5 л крови, следователь предположил, что кровь в таком объеме должна пропитать не только лиственный покров, но и землю.

Однако в ложе трупа кровь была только на опавшей листе и стеблях ближайших растений. Земля же пропитана не была. У потерпевшей были надрезаны сухожилия, что, учитывая размеры тела, позволяло сложить его компактно, например, в большую сумку, мешок или рюкзак. Совокупность обнаруженных следов биологического происхождения, их локализация и взаиморасположение позволили следователю выдвинуть версию, что убийство было совершено в другом месте, а труп в последующем переместили туда, где он был обнаружен. Проведенные по делу процессуальные действия, направленные на проверку полученной в ходе осмотра криминалистически значимой информации, позволили установить лиц, причастных к совершению преступления. Определить направленность умысла преступников и правильно квалифицировать их действия также стало возможным благодаря правильному закреплению так называемой следовой информации в протоколе осмотра места происшествия [2]. На наш взгляд, в приведенном примере и других аналогичных случаях проявляется не только взаимосвязь и единство криминалистики с уголовно-процессуальным правом, что подчеркивает обоснованность включения криминалистики некоторыми ее основателями в «систему уголовных наук». Очевидно и другое: раскрытие преступления криминалистическими средствами позволило защитить права и законные интересы лиц, потерпевших от преступления, реализовать назначение уголовного судопроизводства.

Нам импонирует и позиция В.Н. Карагодина, который обоснованно считает, что положения уголовно-процессуальной науки широко применяются в криминалистике. В частности, одними из основных элементов теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики ученый справедливо называет понятия собирания, проверки и оценки доказательств [14, с. 38].

Точка зрения российских ученых поддерживается и некоторыми зарубежными криминалистами. В частности, Р.Г. Домбровский включает криминалистику в систему уголовно-правовых наук [11, с. 73]. Аналогичным образом Г.А. Матусовский относил криминалистику к числу уголовно-правовых наук, представляя научное знание в виде геоцентрической системы, в центре которой находится криминалистика [17, с. 68].

Однако включение криминалистики в число уголовно-правовых наук как российскими, так и зарубежными криминалистами не дает ответа на вопрос о ее природе и соотношении с уголовно-процессуальным правом.

Так, ученые из Германии полагают, что криминалистика входит в число криминальных (уголовных) наук, однако, наряду с криминологией, является неюридической наукой [36].

Не решая вопроса о месте и природе криминалистики, польский ученый Г. Кендзерска прогнозирует тенденции ее развития, обосновывая свои выводы анкетированием респондентов, использующих криминалистические знания профессионально. Полагаем, что выводы ученого заслуживают внимания, так как он обоснованно считает, что развитие криминалистики всегда должно быть нацелено на решение основного вопроса: кто оставил след преступления или кто повлиял на образование следов преступления [37, р. 57].

С этих же позиций о перспективах развития криминалистики рассуждают такие ученые, как К. Славик, К. Бронowska и Б. Сыгит [39; 40].

О содержании и границах криминалистики, а также о ее трактовке в Польше неоднократно высказывался Х. Колецки [38].

Вернемся к статистике. По мнению целого ряда известных ученых-криминологов, разделяемому и авторами статьи, статистические данные не отражают истинного состояния преступности. Например, с точки зрения Э.Ф. Побегайло, «число зарегистрированных преступлений — это лишь надводная часть айсберга. Это «виртуальная», «отчетно-бумажная» преступность... реальный массив преступности превышает регистрируемый в 4–6 раз» [1, с. 18], а по мнению иных исследователей, мониторинг латентной преступности указывает, что фактическая преступность более чем в 8 раз превышает уровень зарегистрированной преступности [31, с. 6]. Иными словами, в настоящее время проблема искаженности статистических данных о количестве совершенных преступлений вызывает большую озабоченность со стороны как государства, так и его правоохранительных органов [7, с. 13–14].

К большому сожалению, расследование преступлений сегодня «поставлено на поток», а работа конкретного следователя оценивается исключительно по количественным показателям. Опрошенные респонденты на вопрос о том, является ли, на их взгляд, существующая система государственной оценки эффективности работы следственных органов объективной, дали следующие ответы, представленные в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос
об объективности системы государственной оценки
эффективности работы следственных органов, чел. (%)**

Вариант ответа	Судьи	Прокуроры	Следователи, дознаватели	Адвокаты
Да	4 (2,8)	16 (6,5)	50 (12,0)	11 (6,1)
Скорее да, чем	12 (8,3)	46 (18,7)	88 (21,1)	6 (3,3)

нет				
Скорее нет, чем да	52 (36,2)	64 (26,0)	96 (22,9)	34 (18,9)
Нет	64 (44,4)	106 (43,1)	115 (27,5)	107 (59,4)
Затрудняюсь ответить	12 (8,3)	10 (4,1)	69 (16,5)	22 (12,3)

Большая часть следователей довольно быстро адаптировалась к «новым требованиям», что привело к поверхностному подходу в расследовании преступлений, небрежности при применении криминалистических средств и общему снижению качества следствия. Следователь превратился в лицо, оформляющее результаты процессуального познания для других, фактически устранившись от активных действий. В свою очередь, результаты осуществления правосудия по уголовным делам с завидным постоянством демонстрируют поразительно низкий процент оправданных от общего количества лиц, в отношении которых уголовные дела рассматривались по существу. Так, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ доказывают отмеченную тенденцию (табл. 2).

Таблица 2

**Статистические данные Судебного департамента
при Верховном Суде РФ за 2010–2014 г.г.**

Отчетный период	Число лиц по поступившим делам	Осуждено	Оправдано (%)
2010	1 200 358	870 082	9 152 (0,77)
2011	1 111 364	806 728	8 855 (0,80)
2012	1 055 456	76 463	5 164 (0,49)
2013	1 044 747	755755	5 624 (0,54)
2014	504 298	349 822	2 615 (0,52)

Проведенный анализ некоторых статистических сведений, ряда позиций ученых относительно природы и места криминалистики в системе наук свидетельствует, что особых разночтений в этом вопросе нет. Гораздо сложнее определить соотношение криминалистики и уголовного процесса, как в научном, так и в практическом плане. Можно, естественно, заключить, что эти науки, а также виды практической деятельности соотносятся как «самостоятельные элементы единой системы юридических наук уголовно-правового цикла» [21, с. 15]. На самом же деле мы сейчас понимаем, что этот вывод не определяет соотношения, а лишь подчеркивает уже давно установленные аксиоматичные вещи о предмете, природе криминалистики и ее

месте в общей системе, так называемых уголовно-правовых наук. Вопрос о соотношении уголовно-процессуального права и криминалистики в полной мере не решен до настоящего времени.

Понятно, что споры ученых касаются не столько природы криминалистики и ее места в системе наук. Понятно и то, что российские и зарубежные криминалисты считают криминалистику самостоятельной отраслью научных знаний, входящей в систему уголовно-правовых наук. Разделяя эту точку зрения, отнесем без дополнительных аргументов криминалистику к специальным юридическим наукам уголовно-правового цикла. Правильность этой авторской позиции можно подтвердить и номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59, в соответствии с которым криминастика включена в юридические науки [29].

Итак, завоевав свое место в системе уголовно-правовых наук, криминастика столкнулась с необходимостью определения ее соотношения с уголовно-процессуальным правом, причем на функционально-прикладном, т.е. практическом, уровне. Однако прежде чем определить такое соотношение на практическом уровне, необходимо провести линию предметного разграничения и в научном плане.

Определение хотя бы одной из граней пересечения криминалистики и уголовного процесса наиболее наглядно возможно на примере процесса доказывания. Один из патриархов уголовно-процессуальной науки С.А. Шейфер в одной из последних работ, посвященных процессу доказывания, пишет, что готовых доказательств, т.е. показаний, заключений, вещественных доказательств, протоколов и иных документов, в природе не существует и существовать не может: объективно существуют лишь следы события, в которых содержится нужная информация. Но эта информация еще не доказательство. И лишь в процессе деятельности субъектов доказывания информации придается надлежащая процессуальная форма и возникают (формируются) доказательства [34, с. 32]. Известный ученый считает, что преобразование информации в иную форму - это универсальная по отношению к любому виду доказательств процедура, сопровождающая их формирование [34, с. 36].

Заметим, что эта процедура, сопровождающая формирование доказательств, уголовно-процессуальным законодательством не регламентирована. Считаем, что, говоря криминалистическим языком, в данном случае можно вести речь об обнаружении значимой следовой информации с применением тактического арсенала и технико-криминалистических средств

как обнаружения, так и последующей фиксации обнаруженной информации в протоколе следственного действия.

Причем четкую линию предметного разграничения провести довольно сложно, так как совместное изучение учеными «процедуры», сопровождающей формирование доказательств, будет безусловно вести к взаимопроникновению наук. Кстати, в этом нет ничего плохого. Наоборот, это ведет к дальнейшему развитию смежных наук.

Проведенное нами обобщение практики свидетельствует, что зачастую, особенно при совершении неочевидных преступлений, процессуальным путем определить направленность умысла виновного и правильно квалифицировать его действия возможно только благодаря достижениям криминалистики, что подтверждает ее значимость, прежде всего, через призму реализации назначения уголовного судопроизводства. Например, важно соблюдать элементарные рекомендации криминалистики, касающиеся полноты осмотра места происшествия и применения криминалистических средств фиксации, так как в противном случае это может привести к искажению следственной перспективы, а в итоге к тому, что преступление так и останется нераскрытым.

Также полагаем, что в научном плане вопрос дифференциации знаний при изучении общих объектов познания является одним из основных как в криминалистике и уголовном процессе, так и в любой другой отрасли научного знания. Одним из путей его решения служит определение критериев для отграничения предмета криминалистики от предметов ведения других юридических наук уголовно-правового цикла. Такими критериями могут быть, например, цель и задача познания. В свою очередь, целью познания в криминалистике необходимо считать установление следовой картины события преступления, а, соответственно, задачей - обнаружение материальных и идеальных следов-последствий преступления и работу с ними.

Полученные теоретические знания проверяются на практике, а в последующем, в ходе ее обобщения и анализа, уточняются, конкретизируются и дополняются.

Если экстраполировать цель и задачу познания в науке криминалистике на практическую деятельность, то практической целью будет установление следовой картины единичного события преступления, а, соответственно, задачей - своевременное обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов-последствий преступления в ходе расследования конкретного уголовного дела.

Наибольшее практическое значение в криминалистике имеет научное обоснование перехода от познания материальных и идеальных следов в механизме преступной деятельности к уголовному преследованию и

назначению виновным справедливого наказания либо к отказу от уголовного преследования невиновных, освобождению их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Если этот переход обеспечен, а мы полагаем, что это одна из функций криминалистики, то решаются задачи уголовной политики и уголовного судопроизводства. Если же нет, то многие преступления остаются нераскрытыми, виновные лица - не установленными, потерпевшие - не защищенными государством. Возможны и другие негативные последствия.

Проведенное нами обобщение практики показало, что в ходе реализации этой функции взаимосвязь и соотношение криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом проявляется наиболее ярко.

В ряде случаев следователь не может установить следовую картину преступления. Естественно, причин, по которым этого не происходит, чрезвычайно много. Во-первых, это объективные причины, которые не зависят от сознания, воли, профессионализма лица, ведущего расследование (приводящие к невозможности выявления, познания и использования следов преступления на современном этапе в ходе процесса доказывания). Вторая группа причин - субъективные. Они зависят от профессиональной подготовленности следователя, его опыта работы, наличия криминалистических знаний и умений.

Соответственно, одна из задач криминалистики как науки, в решении которой проявляется в том числе ее роль и значение в общей системе с уголовно-процессуальным правом, - сократить число случаев, по которым установление следовой информации не произошло по субъективным причинам (отсутствие знаний, опыта, тактические и процессуальные ошибки, нарушения закона и т.п.).

Кроме того, именно криминалистика призвана способствовать в условиях инертности правоприменительной практики ее оптимизации, внедрению новых научно-технических разработок. Поскольку изменения, вносимые в УПК РФ, носят перманентный характер, такая криминалистическая задача приобретает особое значение.

Наконец, не случайно, по мнению многих ученых, доказательства являются основным началом уголовного процесса, соответственно, без надлежащего формирования доказательственной базы по уголовному делу перспектива судебного производства может оказаться призрачной. В этой связи роль криминалистики в разработке тактических приемов производства следственных действий (как действий процессуальных, направленных на собирание доказательств) бесспорна.

Указанное наиболее ценно в свете тех радикальных изменений, которые в последние годы произошли в науке: в 2012 г. существенные изменения претерпела номенклатура научных специальностей: в частности, специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» преобразовалась в две самостоятельные специальности - 12.00.09 «Уголовный процесс» и 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность».

Такие новации существенно затрудняют проведение междисциплинарных научных исследований, направленных на оптимизацию производства по уголовным делам, учитывающих как содержание уголовно-процессуального законодательства, так и потребности правоприменительной практики.

В таких условиях задача науки заключается не только в обеспечении эффективного, соответствующего вновь утвержденной номенклатуре специальностей научно-исследовательского поиска, но и в первую очередь в эффективной работе научной школы, направленной на удовлетворение потребностей правоприменительной практики, защиту прав и свобод личности, обеспечение баланса охраняемых законом ценностей в рамках производства по уголовным делам.

Решение этой задачи будет способствовать повышению эффективности реализации назначения уголовного судопроизводства и мер уголовной политики [20, с. 10-16].

Bibliography

1. Alekseev A.I., Ovchinskii V.S., Pobegailo E.F. Rossiiskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa [Russian criminal policy: crisis overcoming]. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p.
2. Criminal case № 200800091/14. Arkhiv Tsentral'nogo raionnogo suda g. Tyumeni [Central regional Court of Tyumen archive]. (In Russian).
3. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki [Criminalistics: current issues. Urgent problems of Russian criminalistics]. Moscow, Norma Publ., 2001. 240 p.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki [Criminalistics course]. Moscow, Yuniti-Dana, Zakon i pravo Publ., 2001. 837 p.
5. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki [Criminalistics course]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 1. 408 p.

6. Veingart A., Lebedev V.I. (ed.). Ugolovnaya taktika. Rukovodstvo k rassledovaniyu prestuplenii [Criminal tactics. Guidance to crimes investigation]. Saint Petersburg, Vestnik Politsii Publ., 1912. 293 p.
7. Gavrilov B.Ya. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty [Russian current criminal policy: figures and facts]. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2008. 208 p.
8. Gromov V.I. Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Metodika rassledovaniya prestuplenii. Osmotr mesta proisshestiya [Inquiry and preliminary investigation. Crime investigation methods. Crime scene examination]. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 544 p.
9. Gross G. Handbuch fur Untersuchungsrichter, Polizeibeamte, Gendarmen u.s.w. 2. verm. Aufl. Graz: Verlag von Leuschner & Lubensky, 1894. 805 S. (Russ. ed.: Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki. Moscow, LeksEst Publ., 2002. 1088 p.).
10. 2007 Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation report. Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper, 2008, 18 March. (In Russian).
11. Dombrovskii R.G. Teoreticheskie osnovy kriminalistiki [Theoretical fundamentals of criminalistics]. Riga, JUMI Publ., 2004. 210 p.
12. Kalinovskii K.B. «Presumption right» — criminal and criminal-procedural legislation development strategy. Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva. Materialy nauchnoi konferentsii k 160-letnei godovshchine so dnya rozhdeniya I.Ya. Foinitskogo [Criminal proceedings' strategy. Materials of Scientific Conference dedicated to 160th anniversary of the birth of Foinitskiy I.Ya.]. Moscow, RAP Publ., 2008, pp. 90–97. (In Russian).
13. Vasil'ev A.N. (ed.). Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow State University Publ., 1980. 496 p.
14. Drapkin L.Ya. (ed.). Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, Yurait Publ., 2013. 831 p.
15. Golunskii S.A. (ed.). Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 511 p.
16. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 928 p.
17. Matusovskii G.A. Kriminalistika v sisteme nauchnykh znaniy [Criminalistics in scientific knowledge system]. Kharkiv National University Publ., 1976. 112 p.
18. Federal Law of the Russian Federation № 432-FZ dated 28 Dec. 2013 on amending certain Laws of the Russian Federation in order to improve victims' rights; protection in criminal proceedings. Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper, 2013, 30 Dec. (In Russian).

19. Crime victims' right protection problems: Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation special report dated 27 May 2008. Rossiiskaya gazeta = Russian newspaper, 2008, 6 June. (In Russian).

20. Smakhtin E.V. Kriminalistika v sisteme yuridicheskikh nauk ugolovno-pravovogo tsikla: teoriya i praktika. Avtoref. Dokt. Diss. [Criminalistics in terms of criminal legal sciences: theory and practice. Doct. Diss. Thesis]. Ekaterinburg, 2010. 45 p.

21. Smakhtin E.V., Belousov A.V. Osobennosti rassledovaniya krazh, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte iz odezhdy, sumki ili drugoi ruchnoi kladi, nakhodivshikhsya pri poterpevshem [Aspects of investigation of railway thefts from clothes and personal belongings of victim]. Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2014. 124 p.

22. Smirnova I.G. Sotsial'naya tsennost' rossiiskogo ugolovno sudoproizvodstva. Dokt. Diss. [Social value of Russian criminal proceedings. Doct. Diss.]. Tomsk, 2012. 517 p. 36. Ackermann R. Handbuch der Kriminalistik. Kriminaltaktik für Praxis und Ausbildung / R. Ackermann, H. Clages, H. Roll. 3., aktualisierte und geunderte Auf. Stuttgart; München; Hannover; Berlin; Weimar; Dresden: Richard Boorberg Verlag, 2007. S. 16-17.

23. Selivanov N.A., Tanasevich V.G., Eisman A.A., Yakubovich N.A. Sovetskaya kriminalistika. Teoreticheskie problemy [Soviet criminalistics. Theoretical issues]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1978. 192 p.

24. Sostojanie prestupnosti: janvar' — dekabr' 2009 goda [2009 Jan. — Dec. crime situation in Russia]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Publ., 2010.

25. Sostojanie prestupnosti: janvar' — dekabr' 2010 goda [2010 Jan. — Dec. crime situation in Russia]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Publ., 2011.

26. Sostojanie prestupnosti: janvar' — dekabr' 2011 goda [2011 Jan. — Dec. crime situation in Russia]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Publ., 2012.

27. Sostojanie prestupnosti: janvar' — dekabr' 2012 goda [2012 Jan. — Dec. crime situation in Russia]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Publ., 2013.

28. Sostojanie prestupnosti: janvar' — dekabr' 2013 goda [2013 Jan. — Dec. crime situation in Russia]. Moscow, The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation Publ., 2014.

29. Reference materials. Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) pri Ministerstve obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii [Higher Attestation

Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Available at: <http://www.extech.ru/library/spravo/vak/vak.php>. (In Russian).

30. Surikhin P.L. Inner challenges of criminal process: suggestive consequences. In Nazarov S.D. (ed.). Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione. Materialy mezhdunarodnoi nauchno- prakticheskoi konferentsii [Current problems of crime counteraction in Siberian region. Materials of International Scientific and Practice Conference]. Krasnoyarsk, Siberian Institute of law of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2007, pt. 2, pp. 105–109. (In Russian).

31. Inshakov S.M. (ed.). Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti [Theoretical fundamentals of latent crime study and research]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2011. 839 p.

32. Tregubov S.N. Osnovy ugovnoy tekhniki, nauchno-tekhnicheskie priemy rassledovaniya prestuplenii: prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh deyatelei [Basis of criminal technique and scientific and technical methods of crimes investigation: practical guidance for court officials]. Petrograd, Yuridicheskii knizhnyi sklad «Pravo» Publ., 1915. 334 p.

33. Shaver B.M. Subject matter and methods of Soviet criminalistics. Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialistic legality, 1938, no. 6, pp. 79–81. (In Russian).

34. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and averment in criminal cases: issues of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2009. 125 p.

35. Yakimov I.N. Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovnoy tekhnike i taktike. [Criminalistics. Guidance on criminal technique and tactics]. 1925 Reprint. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 496 p.

36. Ackermann R., Clages H., Roll H. Handbuch der Kriminalistik. Kriminaltaktik für Praxis und Ausbildung. Stuttgart, München, Hannover, Berlin, Weimar, Dresden, Richard Boorberg Verlag, 2007. S. 16–17.

37. Kedzierska G. Meanders of the 21st century criminalistics / G. Kedzierska // Criminalistics and forensic examination: science, studies, practice. Vilnius, 2013. Chap. 2. P. 45–57.

38. Kolecki H. Zakres i sposob uprawiania kriminalistiki w Polsce / H. Kolecki // Kriminalistyka i nauki penalne wobec przestepczosci: ksiega pamiatkowa dedykowana Profesorowi Mirosławowi Owocowi / red. H. Kolecki. Poznan: Wyd. Poznanskie, 2008. S. 396-418.

39. Slavik K. Kondycja polskiej kryminalistyki - proba oceny / K. Slavik, K. Bronowska // Problemy wspolczesnej kryminalistyki. Warszawa, 2007. T. 11. S. 169-186.

40. Sygit B. Dorobek nauki w badaniach nad strojem człowieka wykorzystywany w praktyce sledczej i sadowo-lekarskiej / B. Sygit // Problemy Wspolczesnej kryminalistyki. Warszawa, 2003. T. 7. S. 45–121.